

БЕРНЕР Г. К.

ЕНИСЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Первые письменные источники по енисейским языкам представляют собой латинско-енисейские и немецко-енисейские словарики, составленные по заданию Академии наук в первой половине XVIII в. Д. Г. Мессершмидтом, Ф. И. Страленбергом, Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером в местах расселения аринов, ассанов, кетов, коттов, пумпоколов и югов. Собранные этими учеными словарные материалы были обобщены в сравнительных словарях П. С. Палласа [1] и И. Клапрота [2], а в наше время — с использованием и некоторых других источников — А. П. Дульзона [3].

Считается, что подлинно научное изучение енисейских языков начинается с известной работы М. А. Кастрена, представляющей собой первое достаточно полное описание фонетики и грамматики (морфологии) енисейско-остяцкого (т. е. кетского и югского) и коттского языков [4]. Особенно ценно описание коттского языка, исчезнувшего вскоре после путешествий М. А. Кастрена по Сибири; коттская грамматика М. А. Кастрена является поэтому уникальным трудом по енисейскому языкознанию. Исключительно ценными являются и его словарные материалы, которые вместе со словарными материалами по шести енисейским языкам (аринскому, ассанскому, кетскому, коттскому, пумпокольскому и югскому), собранными исследователями XVIII в. [3], составляют основу для сравнительно-исторического изучения енисейской фонетики и лексики и для общенисейских реконструкций. Все последующие работы по енисейским языкам, особенно работы зарубежных лингвистов, вплоть до 60-х годов XX в., как правило, основывались на материалах и исходных посылках М. А. Кастрена, за исключением работ К. Доннера [5], Н. К. Каргера [6—7] и некоторых других исследователей, занимавшихся полевыми исследованиями в местах расселения современных енисейцев — кетов и югов (сымских кетов).

Основные результаты этих первых этапов в исследовании енисейцев и их языков обобщены в предисловии к кетским сборникам [8] и во введении к монографии А. П. Дульзона [9]. Кроме М. А. Кастрена, особо отмечаются заслуги В. И. Анучина, проведенного среди кетов длительное время (1905—1908 гг.) и впервые описавшего их с культурно-антропологической точки зрения; К. Доннера, финского ученого, путешествовавшего в местах расселения кетов в 1911—1913 гг., составившего самый большой по объему после М. А. Кастрена кетский словарь [5] и написавшего ряд содержательных статей по кетскому языку [10—12]; Н. К. Каргера, написавшего содержательный очерк кетского языка (на основе нижнеимбатского диалекта), создавшего первый кетский алфавит и букварь для кетских национальных школ [7].

Из работ зарубежных ученых отмечаются труды Дж. Бэрна, Г. Рамстедта, Х. Финдейзена, Э. Леви, А. Тромбетти, О. Тайёра, Э. Хэмпса, Н. Хольмера, Э. Паллиблэнка, К. Боуда и др. (перечень работ и аннотации к ним см. [13]). Особый интерес представляет статья К. Боуда о коттском глаголе [14] и его большая обобщающая работа по языку кетов [15].

Новый этап интенсивного изучения енисейских языков начинается с середины 50 — начала 60-х годов работами А. П. Дульзона и его учеников, работами Е. А. Крейновича и участников экспедиции имени М. А. Кастрена [8]. Исследования 60—70-х годов принесли существенные результаты в решении проблем генетических связей енисейцев и их языков, ис-

торических языковых контактов енисейцев с другими народами, диалектно-языковой дифференциации енисейской языковой общности, грамматического строя и фонетико-фонологической системы енисейских языков, особенно кетского и югского, а также в области типологии этих языков, этнической истории енисейцев, антропологии и т. д.

Прежде всего исследования 50—70-х годов, в частности работы А. П. Дульзона по енисейской топонимике, позволяют с большой степенью вероятности очертить границы распространения енисейских языков в Западной Сибири в прошлом. Некоторые сведения на этот счет содержатся в деловых документах XVII—XVIII вв., по которым устанавливается, что до середины XVIII в. в Западной Сибири, кроме нынешних кетов и югов, еще проживали: к северу от Красноярска — арины; к югу от Красноярска, за Енисеем до Кана — ассаны и котты; в верховьях Кети — пумпоколы, а часть енисейцев была представлена среди бачатских телеутов (ашкиштимы) и койбалов (койбалкиштимы) [9, с. 3]. По данным же топонимики енисейские народности были расселены в прошлом от бассейна Иртыша до бассейна Ангары [16, с. 97]. Так, кетско-югские гидронимы на *-ses*, *-sis*, кроме известных районов расселения кетов и югов по Енисею от Сыма до Курейки, встречаются еще на Кети, Тyme, Вахе, Васюгане, Иртыше (особенно на его правых притоках — Демьянке, Уе, Шише, Туе, Таре), а также в бассейне Томи, на территории Хакасии и Северной Тувы [16]; пумпокольские гидронимы на *-tet*, *-tat* занимают бассейн Чулыма, верховье Кети и другие районы; аринские гидронимы на *-set*, *-sat* плотно представлены в бассейне Средней Оби, особенно на Кети, Чижаике и Чае (довольно широко распространены и аринские гидронимы на *-kul'* [16, с. 107]); коттские гидронимы на *-šet* распространены в междуречье Кана и Бирюсы (небольшой ареал этих же гидронимов находится западнее Томи), а ассанские на *-ul* — от Кана на востоке до бассейна Томи на западе.

Если учитывать, с одной стороны, тот факт, что исторически енисейские племена продвигались с юга на север, а с другой, положение о том, что кучность топонимов характеризует не исходный центр, а области экспансии (т. е. периферию), то можно исходные области расселения енисейцев искать на Саяно-Алтае или южнее.

Известно, что бассейн Среднего и Верхнего Енисея является местом стыка нескольких этно-лингвистических ареалов — енисейского, тюркского, монгольского, самодийского, тунгусо-маньчжурского, и исторические контакты енисейцев с соседними народами не могли не оставить следа в енисейских языках. Изучение енисейской лексики показало наличие в ней большого числа тюркских [15, 17, 18], самодийских [15, 19, 20], русских [12, 21] и других заимствований, которые отражают контакты енисейцев с соседними народами, уходящие в глубокую древность. Наиболее древние заимствования не поддаются однозначному истолкованию их в качестве тюркских, самодийских и других [18, 22]; возможно, их следует условно объединить как ностратические [23], хотя это осложнено тем, что на таком уровне сравнения можно с известной вероятностью говорить и о материальных встречах между енисейскими, с одной стороны, и северокавказскими, сино-тибетскими, бурушаски и другими языками, с другой, в плане поиска ответа на вопрос о древнейших генетических связях енисейских языков.

Относительно генетических связей енисейцев и их языков выдвинут целый ряд гипотез, основывающихся главным образом на сравнении данных енисейских языков с языками Юго-Восточной Азии, баскским, северокавказскими, индейскими, бурушаски и ностратическими. Эти гипотезы следующие:

(1) предположение об отдельных генетических связях между енисейскими языками и языками Юго-Восточной Азии, впервые выдвинутое М. А. Кастреном и позднее поддержанное Дж. Бэрном, Г. Рамстедтом, А. Тромбетти, К. Доннером и К. Коллинзом (см. [13]);

(2) предположение о родстве енисейцев с динликами (М. Денникер, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. Г. Богораз, К. Доннер, С. И. Вайнштейн, Р. В. Николаев [13]);

(3) предположение о родстве енисейских языков с севернокавказскими (Н. Я. Марр, О. Г. Тайёр, А. П. Дульзон [24]);

(4) предположение о связи енисейцев с гуннами (Л. Лигети, Э. Г. Пэллблэнк, А. П. Дульзон [25]) и др.

Очевидно, большинство из них может быть сведено в единую гипотезу о принадлежности енисейских языков к палеоевразийскому языковому типу [26]. Общий итог по всем этим вопросам попытался подвести С. А. Старостин в специальном исследовании: автор склоняется к выводу о генетическом родстве енисейских и севернокавказских языков [26, с. 235]. В другой работе С. А. Старостина на анализе лингвистических данных обосновывается гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и севернокавказскими [27]. Полагаем, что окончательное решение сложнейшего вопроса о генетическом родстве енисейцев и их языков должно основываться на результатах комплексных исследований в области лингвистики, истории, археологии, этнографии, антропологии и мифологии. Очень вероятно, что енисейские, как и ряд других изолированных языков, представляют собой островок так называемого палеоевразийского субстрата [8, с. 6], который следует возводить непосредственно к архаическому языковому состоянию в Центральной Азии. В настоящее время совершенно очевидно, что енисейцы и их языки обнаруживают древние связи, указывающие на далекий юг; в этом плане заслуживает внимания предположение о контактах енисейцев с носителями карасукской культуры, получившее в последнее время приемлемую аргументацию в работах Н. Л. Членовой, полагающей, что исходными районами, из которых карасукская культура была принесена в Южную Сибирь, являются не Ордос, Суйюань и другие юго-восточные районы, как полагали С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, Л. Н. Гумилев и другие ученые, а юго-западные районы, близкие к Памиру и Верхнему Иртышу [28, с. 6—12, 131—135; 29].

Проблема генетических связей енисейцев и их языков остается, таким образом, актуальной, и ее решение в лингвистическом аспекте требует дальнейшего изучения исторических языковых контактов енисейцев с соседними народами с тем, чтобы можно было снять субстратные и суперстратные наслоения и реконструировать архетипы енисейских слов, ибо только они могут служить основой для успешного внешнего сравнения енисейских языков. Первые шаги в области реконструкции общеенисейского языкового состояния уже сделаны [23, 26, 30, 31], и настало время для обобщающих работ в области сравнительно-исторического изучения енисейских языков. Помимо собственно енисейского языкознания, проблема внешних генетических связей енисейских языков представляет большой интерес и для решения более общих вопросов, связанных со сложными этнолингвистическими процессами в Центральной Азии, происходившими здесь с древнейших времен.

Актуальным для енисейского языкознания остается и вопрос о диалектном членении енисейской языковой общности, тем более, что до сих пор нет однозначного решения этого вопроса. У части кетологов остаются сомнения относительно статуса ассанского, югского и пумпокольского как самостоятельных енисейских языков. Накопленные материалы позволяют заключить, что внутри енисейской языковой общности исторически сложились три близкородственные группы языков — кетско-югская, арино-пумпокольская и ассано-коттская [32], что легко доказывается даже одними лингвистическими данными; не менее важен, однако, при решении этого вопроса и тот факт, что носители этих шести енисейских языков осознавали себя как разные народности и воспринимались так своими соседями.

Наиболее существенные расхождения обнаруживаются между кетским и югским языками, с одной стороны, и южноенисейскими — с другой. Так, глоттохронологическое исследование енисейских языков (по методу М. Сводеша) позволяет определить время обособленного развития коттского и кетского языков в 1800—2000 лет, а кетского и югского в 500—600 лет [33]. Несмотря на условный и приблизительный характер приве-

денных данных, они все же несут и известную объективную информацию о хронологии разделения енисейского языка; во всяком случае имеющиеся в настоящее время языковые и исторические материалы вполне согласуются с этими выводами.

Очень близки друг к другу коттский и ассанский, а также кетский и югский языки, но для подтверждения их статуса самостоятельных языков в составе енисейской языковой общности накоплено достаточно лингвистических и экстралингвистических свидетельств. А что касается точки зрения О. Тайёра о том, что пумпокольский язык следует рассматривать как диалект кетского [34], то она, как выяснилось, основывалась на ошибочных данных: дело в том, что среди слов с пометой «пумпокольский» в словарных материалах XVIII в. много кетских и югских слов, поскольку эта помета носила в целом не языковой, а территориальный характер, т. е. указывала на место записи слов — пумпокольскую («остяцкую») волость в верховье Кети, где пумпоколы проживали вперемешку с югами и кетами [35]. При строгом отборе собственно пумпокольской лексики оказывается, что она более всего сближается с лексикой аринского, но не югского или кетского языков.

Из двух современных енисейских языков — кетского и югского — первый представлен тремя диалектами: южнокетским, или верхнеимбатским (от Подкаменной Тунгуски до бассейна Елогоя), среднекетским, или нижнеимбатским (от Сургутихи до бассейна Турухана), и севернокетским (на Курейке и оз. Мундуйском). Особенности этих диалектов изучены пока явно недостаточно, и предстоит еще большая работа по описанию всех говоров кетских диалектов. Для югского языка, насколько позволяют судить словарные материалы XVIII—XIX вв. [3], тоже можно предполагать наличие в прошлом нескольких диалектов [36]. Такой же вывод можно сделать в отношении коттского языка, сравнивая словарные материалы М. А. Кастрена [4] с материалами коттского словарика XVIII в. [3].

Наиболее важные результаты достигнуты, однако, в 50—70-е годы в изучении строя енисейских языков. В защищенных на сегодняшний день 16 диссертациях, в ряде монографий и в многочисленных статьях отражены, хотя и не в равной мере, все уровни языка — фонетика и фонология, морфология и синтаксис, лексика.

Проведенные экспериментально-фонетические исследования позволили подробно описать фонетическую характеристику звукового состава и акцентуационных средств кетского и югского языков и установить фонологические отношения на уровне сегментной и надсегментной фонетики этих языков. Подробно описаны также фонетические и исторические чередования в системе вокализма и консонантизма. Установлено, что для вокализма енисейских языков характерны четыре ступени подъема языка и наличие чередований аблаутного характера. Обе эти особенности связаны исторически со слоговой акцентуацией [37], которая резко выделяет енисейские языки из окружающих, в которых в свою очередь представлена гармония гласных, отсутствующая в енисейских языках; как видно, одно исключает другое [38].

По своему консонантному коэффициенту, особенно по высокой частоте переднеязычных шумных согласных, енисейские языки также отличаются от окружающих, хотя по другим фоностатистическим данным обнаруживают поразительное сходство с ними. Так, по частотности лабиальных они образуют вместе с монгольскими и тюркскими языками пограничную линию так называемой азиатской зоны депрессии губных согласных [39]. Как в алтайских и уральских (самодийских), в енисейских языках засвидетельствовано исторически пять рядов шумных смычных — лабиальный, дентальный, палатальный, велярный, поствелярный. К ареальным явлениям можно, очевидно, отнести и представленную в енисейских языках фарингализацию-ларингализацию, но она здесь тесно связана со слоговой акцентуацией и обнаруживает более широкие параллели как в плане синхронной, так и в плане диахронической типологии [40, 41].

Недостаточно исследованной остается пока фонетика различных говоров кетского языка, особенно в сравнительном плане. Эти исследования

ведутся рядом кетологов [42—44], и, как показывают полученные результаты, в данной области енисейское языкознание ожидают еще интересные открытия.

В области грамматики енисейских языков основное внимание кетологов было уделено в 50—70-х годах морфологии частей речи кетского и югского языков, особенно глаголу. Наиболее важными работами являются монографии А. П. Дульзона [9, 24, 45] и Е. А. Крейновича [46], в которых дана морфологическая классификация глаголов, определены грамматические категории глагола и средства их выражения. Указанные работы А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича дополнены целым рядом статей этих же авторов, а также содержательным очерком Б. А. Успенского о системе кетского глагола [47]. В более ранней статье Б. А. Успенского впервые поднимается вопрос о типологическом состоянии енисейских языков, в частности кетского [48]. Накопленные к настоящему времени факты современных енисейских языков — кетского и югского — позволяют охарактеризовать эти языки как номинативные, сохранившие, однако, целый ряд реликтовых признаков активного и эргативного строя [49]. Все эти вопросы остаются для енисейского языкознания актуальными; еще много неожиданностей может дать диалектный материал и сравнительно-исторические исследования глагольной системы енисейских языков.

Кроме публикаций А. П. Дульзона, Е. А. Крейновича и Б. А. Успенского по кетскому глаголу, следует еще назвать работы Р. С. Гайер, Э. И. Белимова, М. М. Костякова и В. Г. Шабаева.

Внимание Р. С. Гайер было главным образом сосредоточено на формах императива [50], среди которых ею выделены повелительно-утвердительные, повелительно-отрицательные (запретительные) и побудительно-пермиссивные. При учете различных залоговых типов спряжения — каузативного, пассивного (на *-bet*) и медиального, а также того факта, что в формах кетского императива находят выражение категория класса, лица и числа (субъекта и объекта), транзитивности — интранзитивности, времени, вида и рода процесса (по А. П. Дульзону), число императивных форм, образованных от одной и той же глагольной формы, может достигать более 200.

Исследования Р. С. Гайер положили начало скрупулезному анализу категориальной характеристики кетских глагольных форм, их общего семантического потенциала. В этом же направлении изучались М. М. Костяковым временные формы кетских глаголов [51]. Автор попытался обосновать различие между сложными формами простого глагола, с одной стороны, и простыми формами сложных глаголов, с другой, что очень важно для понимания системы кетского глагола. М. М. Костяков впервые обратился и к проблеме абсолютного и относительного употребления временных форм кетского глагола.

Проблема категориальных значений енисейских глагольных форм остается для енисейского языкознания актуальной, так как исследована она пока недостаточно: нет полной ясности о соотношении словообразовательных и формообразовательных процессов в системе глагола, о соотношении видовых и временных оттенков значения глагольных форм, спорным остается вопрос о залоговых различиях; еще много неясного и в функционировании глагольных показателей Б и Д. Последний вопрос в настоящее время обстоятельно исследуется В. Г. Шабаевым [52]. Независимо от автора настоящих строк, изложившего свои представления по данному вопросу в [53], В. Г. Шабаев развивает сходные взгляды относительно употребления глагольных форм с показателями Б и Д; на основе функционально-содержательного анализа форм простых глаголов с основой в конце слова автор приходит к важному выводу о том, что показатели Д связаны с наиболее активным актантом при предикате (на наш взгляд, было бы лучше говорить в данном случае о ближайшем актанте, непосредственно участвующем в ситуации, ср. [54, с. 80]). Выявленные В. Г. Шабаевым факты можно, видимо, рассматривать как одно из важных свидетельств эргативного прошлого енисейских языков, когда языковой тип был ориентирован на передачу не субъектно-объектных, а агентивно-фактитивных отношений.

Вместе с В. Г. Шабаевым интенсивные исследования в этом же направлении ведет в настоящее время Э. И. Белимов в связи с изучением синтаксиса енисейских языков. Более ранние работы Э. И. Белимова были посвящены проблеме инфинитива в кетском языке [55]. В них дана классификация кетских инфинитивов (простые, производные и сложные), рассмотрены их формальные показатели, способы образования, а также функции в предложении. Автор выявил, кроме того, некоторые специфические особенности кетских инфинитивов, например, их способность склоняться по падежам или образовывать послеложную конструкцию, подобно существительным иметь формы ед. и мн. числа, образовывать формы действия и состояния, транзитива и интранзитива и т. д., указал на различия между инфинитивом и причастием, дал типологическую характеристику инфинитива в кетском языке, сравнив его, в частности, с масдаром в кавказских языках.

Важным достижением енисейского языкознания можно считать описание классной системы, пронизывающей всю морфологию имени и глагола [56]. В глагольном формообразовании классная дифференциация наиболее полно представлена в лично-субъектных и лично-объектных глагольных показателях 3-го лица, особенно в кетском и югском языках. Наблюдается две серии таких показателей, получивших в литературе условно название показателей Б и Д [15]. Исторически с ними связаны две серии глагольных форм, которые поначалу были противопоставлены как активные и инактивные формы, а первые, в зависимости от ряда показателей Б, как формы центробежной и центростремительной версий [53, с. 60].

В сфере имени можно, в зависимости от классной характеристики существительных, выделить мужское, женское и вещное склонения, если учитывать парадигмы ед. и мн. числа: в ед. числе выражена оппозиция «мужской» : «немужской», а во мн. числе — «вещный» : «невещный». Сохранились и некоторые черты классной дифференциации в способах образования форм мн. числа существительных [57].

Следы классных различий сохранились в и системе енисейских местоимений [58]; наиболее примечателен тот факт, что в енисейских языках нет личного местоимения для замещения имен существительных вещного класса.

В исследовании падежной системы енисейских языков основными результатами можно считать: (а) выявление доминирующей оппозиции основного и родительного падежей [59], имеющей, как выяснилось, ареальный характер [60]; (б) подробное описание функциональной характеристики кетских падежей [61]; (в) обоснование статуса установленных для кетского и югского языков падежей и их отграничение от послеложных конструкций [62].

Исследованием кетских прилагательных специально занималась В. С. Бибикова [63], и, таким образом, из четырех основных частей речи — глагола, имени существительного, имени прилагательного и наречия — специально не исследовалось в енисейских языках пока только наречие, если не брать во внимание очень краткие разделы, посвященные ему в работах А. П. Дульзона [24] и Е. А. Крейновича [64, 65].

Недостаточно исследованными остаются синтаксис и лексика енисейских языков, хотя и в этих направлениях сделаны уже первые шаги, а именно: в области синтаксиса работами Т. А. Кабановой [66], Н. М. Гришиной [67] и Э. И. Белимова, а в области лексики — работами Л. Е. Виноградовой [68], Л. Г. Тимониной, М. М. Костякова, В. А. Полякова. Начата также работа по подготовке к изданию сравнительного словаря енисейских языков лингвистами Томского пединститута.

Как показывают результаты проведенных по синтаксису исследований, в простом енисейском предложении доминирует глагольная форма, а именные члены, как правило, конкретизируют различные глагольные показатели и, выполняя роль субъекта и прямого объекта, выступают как равноправные члены предложения второго ранга. Основными видами синтаксической связи в простом предложении являются сочинение и подчинение [66]. Первый вид связи характерен для равноправных членов

предложения, а второй (согласование, управление, примыкание) — для неравноправных.

Объединение простых енисейских предложений в сложные осуществляется, как правило, теми же материальными средствами и теми же видами связи, которые обнаруживаются между членами простого предложения [67]. Выявлены следующие приемы организации сложных предложений: (1) посредством интонации, (2) посредством союза и интонации, (3) посредством падежного показателя и интонации, (4) посредством послелога и интонации. Кроме союзов, заимствованных из русского языка, отмечены лишь некоторые енисейские союзы, восходящие к наречиям или послелогам, и выделение исконно енисейских союзов в общекатегориальном плане весьма проблематично.

Для дальнейших исследований в области енисейского синтаксиса очень важно накопление текстовых материалов. Эта работа успешно велась уже в 60—70-х годах (см., например, [9, 69, 70] и др. публикации), и опубликованные тексты, кроме всего прочего, послужили основой для изучения кетского фольклора и мифологии [71—73]¹.

Как уже отмечалось, окончательное решение проблемы генетических связей енисейцев и их языков возможно только на основе комплексного подхода, с привлечением данных не только лингвистики, но и истории, археологии, этнографии, антропологии и мифологии. Отрадно отметить, что и в этих областях знаний о енисейцах, в частности, о кетах и югах, в 50—70-е годы накоплены интереснейшие сведения. Среди трудов этого направления следует прежде всего упомянуть исчерпывающее этнографическое исследование по кетам Е. А. Алексеенко [75], в котором обобщены результаты всех предыдущих работ и введены в научный обиход новейшие материалы, собранные автором у современных кетов и югов. Оригинальные идеи развиваются Е. А. Алексеенко и в целом ряде статей (см., например [76—78]). Необходимо также отметить последние работы по антропологии и этнографии кетов, включенные в третий кетский сборник [79, 80].

Таким образом, перспективы енисейского языкознания на обозримое будущее определяются следующими актуальными направлениями:

(1) исследование диалектов и говоров современных енисейских языков, особенно кетского (фонетика и фонология, морфонология, морфология и синтаксис, лексика);

(2) сравнительно-историческое и типологическое изучение енисейских языков (фонетики, грамматики, лексики) и реконструкция общеенисейского языкового состояния;

(3) внешнее сравнение енисейских языков с целью установления дальней этимологии енисейских слов и выяснения исторических языковых контактов между енисейцами и соседними народами, а также определения вклада в енисейские языки иноязычных элементов на всех уровнях языка;

(4) обобщение лингвистических данных и данных смежных наук с целью выяснения древнейших генетических связей енисейцев и их языков;

(5) всестороннее изучение лексики енисейских языков и подготовка к изданию сравнительного енисейского словаря;

(6) углубленное изучение грамматики енисейских языков, особенно синтаксиса;

(7) продолжение полевых исследований языка кетов и накопление словарных и текстовых материалов.

¹ Недавно высказанные по этому поводу критические замечания Е. А. Крейновича [74] нам представляются не вполне обоснованными. Опираясь в таких серьезных вопросах на мнение информантки О. В. Тыгановой, которая сама уже не знает значения всех архаизмов, встречающихся в кетских мифологических текстах, и не может во многих случаях четко определить классную принадлежность соответствующих кетских существительных, на наш взгляд, нельзя. Справедливы лишь те замечания Е. А. Крейновича, которые касаются использованной А. П. Дульзоном транскрипции.

1. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. I. СПб., 1787; Ч. II. СПб., 1789.
2. *Klaproth J.* Asia polyglotta. Paris, 1823.
3. Дульзон А. П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям.— Уч. зап. Томского пед. ин-та, 1961, т. XIX, вып. 2.
4. *Castrén M. A.* Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb., 1858.
5. *Donner K.* Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen. Hrsrg. von Joki A. J.— MSFOu, 1955, v. 108; Ketica II. Supplement. Hrsrg. von Joki A. J.— MSFOu, 1958, v. 108/2.
6. *Karger H. K.* Кетский язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.—Л., 1934.
7. *Karger N. K.* Bukvar. M.—L., 1934.
8. Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
9. Дульзон А. П. Очерки по грамматике кетского языка. I. Томск, 1964.
10. *Donner K.* Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken.— JSFOu, 1916—1920, v. 37.
11. *Donner K.* Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache.— JSFOu, 1930, XLIV.
12. *Donner K.* Russische Lehnwörter im Jenissei-Ostjakischen.— Mélanges de philologie offert à M. J. J. Mikkola, Helsinki, 1931 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, 1932, v. XXVII, ser. B.).
13. *Топоров В. Н.* Библиография по кетскому языку.— В кн.: Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
14. *Bouda K.* Das kottische Verbum. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 2.— Deutsche Morgenländische Gesellschaft. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, 1937, Bd. 22, № 4.
15. *Bouda K.* Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen.— Anthropolos, 1957, v. 52.
16. Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири.— Уч. зап. Томского пед. ин-та, 1959, т. XVIII.
17. *Тимонина Л. Г.* Тюркские заимствования в коттском языке.— СТ, 1978, № 3.
18. *Тимонина Л. Г.* К этимологии компонента *-i/-a/-* в составе некоторых енисейских слов.— В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982.
19. *Poljakow W. A.* Über die selkupischen Lehnwörter im Jugischen und Ketischen.— Советское финно-угроведение, 1980, т. 16, № 3.
20. *Хелимский Е. А.* Keto-uralica.— В кн.: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
21. *Вернер Г. К.* Акцентуационное освоение русских заимствований в современных енисейских диалектах.— В кн.: Языки и топонимия. Вып. 1. Томск, 1976.
22. *Вернер Г. К.* К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях.— Уч. зап. Омского пед. ин-та, 1969, вып. 52.
23. *Вернер Г. К.* Вопросы эволюции общенисейского языка в свете постратических реконструкций.— В кн.: Постратические языки и постратическое языкознание: Тезисы докладов. М., 1977.
24. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
25. Дульзон А. П. Гунны и кеты (К вопросу об этногенезе по языковым данным).— Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1968, № 11, вып. 3.
26. *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков.— В кн.: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика.
27. *Старостин С. А.* Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками.— В кн.: Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. М., 1984.
28. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
29. *Членова Н. Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
30. Дульзон А. П. О древней центрально-азиатской языковой общности.— Тр. Томского университета, 1968, т. 197.
31. *Топоров В. Н.* Из сравнительно-исторической фонетики енисейских языков: к реконструкции общенисейского консонантизма (предварительное сообщение).— В кн.: Постратические языки и постратическое языкознание: Тезисы докладов.
32. *Вернер Г. К.* Вопросы членения енисейской языковой общности.— В кн.: Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1973.
33. *Костяков М. М.* Время расхождения кетского и коттского языков по данным лексикостатистики.— В кн.: Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979.
34. *Tailleux O. C.* Contribution à la dialectologie iénisséenne: les parlers denka et poumpokolsk.— In: Communications et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie générale. Louvain, 1964.
35. *Вернер Г. К.* Пумпокольско-енисейские звуковые соответствия.— В кн.: Вопросы строя енисейских языков.
36. *Вернер Г. К.* О диалектном членении языка сымских кетов.— Уч. зап. Омского пед. ин-та, 1969.

37. Вернер Г. К. Взаимодействие тональной и фонемной систем в современных енисейских языках.— В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
38. Werner H. K. Zur Frage nach dem Ursprung der Tonalität in den Jenissej-Sprachen.— ZPSK, 1979, Bd. 32, Hf. 2.
39. Никонов В. А. Фоностатистические спектры языков Сибири.— В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980.
40. Иванов Вяч. Вс. О происхождении ларингализации—фарингализации в енисейских языках.— В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971.
41. Иванов Вяч. Вс. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонами.— В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
42. Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
43. Деннинг Р. Ф. Фонетика имбатских говоров кетского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1971.
44. Феер В. Б. Акустические характеристики гласных кетского языка по пневмоосциллограммам (Пакулихинский говор): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1983.
45. Дульзон А. П. Аффиксация как метод передачи грамматических значений: Лекция по общему языкознанию. Томск, 1962.
46. Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
47. Успенский Б. А. О системе кетского глагола.— В кн.: Кетский сборник. Лингвистика.
48. Успенский Б. А. Замечания по типологии кетского языка.— В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964.
49. Вернер Г. К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке.— ВЯ, 1974, № 1.
50. Гайер Р. С. Формы императива простых глаголов кетского языка (имбатский диалект): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1972.
51. Костяков М. М. Образование и употребление форм прошедшего времени в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1973.
52. Шабаз В. Г. Об одном принципе дифференциации личных показателей кетского глагола.— В кн.: Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983.
53. Вернер Г. К. Типология элементарного предложения в енисейских языках.— ВЯ, 1984, № 3.
54. Кибрик А. Е. Эталон эргативности и дагестанские языки.— В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
55. Белимов Э. И. Инфинитив в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1973.
56. Крейнович Е. А. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке.— ВЯ, 1961, № 2.
57. Поротова Т. И. Образование и употребление форм числа существительных кетского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1968.
58. Живова Г. Т. Местоимения в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1978.
59. Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы).— В кн.: Кетский сборник. Лингвистика.
60. Топоров В. Н. Замечания по лингвистической географии Енисея. I.— В кн.: Лингво-типологические исследования. I. М., 1973.
61. Валл М. Н. Употребление падежей в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1970.
62. Шерер В. Э. Последельные конструкции в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1983.
63. Бибикова В. С. Образование и употребление имен прилагательных в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 1971.
64. Крейнович Е. А. Кетский язык.— В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968.
65. Крейнович Е. А. Кетский язык.— В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979.
66. Кабанова Т. А. Синтаксис простого предложения кетского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.
67. Гришина Н. М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1979.
68. Виноградова Л. Е. Словообразование имен существительных в кетском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1981.
69. Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966.
70. Дульзон А. П. Сказки народов сибирского Севера. I. Томск, 1972.
71. Топоров В. Н. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов.— В кн.: Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты.
72. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Комментарий к описанию кетской мифологии.— В кн.: Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты.
73. Иванов Вяч. Вс. Кетско-американские связи в области мифологии.— В кн.: Кетский сборник. Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика.

74. Крейнович Е. А. Анализ одной кетской легенды о птице даѢ.— В кн.: Лингвистические исследования. 1983. Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983.
75. Алексеенко Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
76. Алексеенко Е. А. Этнические процессы на Туруханском Севере.— В кн.: Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970.
77. Алексеенко Е. А. Этнографические элементы в кетском фольклоре.— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970.
78. Алексеенко Е. А. К вопросу о так называемых кетах-югах.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
79. Гохман И. И. и др. Антропология кетов.— В кн.: Кетский сборник. Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика.
80. Долгих Б. О. К истории родо-племенного состава кетов.— В кн.: Кетский сборник. Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика.